

Литературные Меридианы

Издательство «Советский писатель» выпустило книгу «Константин Симонов в воспоминаниях современников». Крупные советские и зарубежные литераторы, общественные деятели, военачальники, актеры рассказывают о Симонове как писателе и человеке. Сборник иллюстрирован редкими фотографиями.

Публикуем фрагменты из книги.

ПИСАТЕЛЬ-БОЕЦ

Давид ОРТЕНБЕРГ

БОЕВАЯ биография Константина Симонова началась летом 1939 года на Халхин-Голе, в Монгольской Народной Республике.

Помню, как это было. В Городке «Героической», как на фронте тогда называли нашу редакционную полянку, в юрту, где мы с Владимиром Ставским жили и работали, вошел высокий, стройный, с девичьим румянцем на щеках юноша в серой танкистской форме без знаков различия. Он неловко козырнул нам и предъявил предписание, в котором ему предлагалось отбыть в распоряжение редактора «Героической красноармейской» «для выполнения возложенного на него особого задания».

Это был Константин Симонов.

Не сразу мы стали друзьями. Симонов тогда только начинал в свои двадцать три года поэтический путь, и до этого дня я ничего о нем не слышал. А между тем мы считали, что командировка на Халхин-Гол — это большая честь и большое доверие журналисту и писателю, и не каждый мог этого удостоить-

ся. Скажу по правде, я рассчитывал на более именитого поэта.

Но что было делать — Симонов так Симонов. Выбора не оставалось. Но прежде чем составить себе представление о его поэтическом даровании, я решил, как это было с каждым новичком в газете, проверить, чего он стоит в бою, и сделал это незамедлительно. Без всяких предисловий я сказал Симонову, что жить он будет в соседней юрте, посоветовал ему оставить там свой чемоданчик и сразу же отправиться в боевые части. Как раз Ставский собирался туда, и я попросил его захватить с собой поэта.

Они отсутствовали, помнится, двое суток. Вернулись в редакцию поздно вечером, в глубокой темноте, которая здесь, в монгольских степях, мгновенно сваливается на землю.

Вошел ко мне в юрту Симонов запыленный, с горящими глазами, с какой-то торжественно светлой улыбкой, а за ним показалась могучая фигура Ставского. Владимир Петрович подмигнул мне и за спиной Симонова показал

большой палец. Все ясно: окунул он парня в огненную купель! Как я узнал позже, поэт сразу же понюхал порохи во всех его видах. По свидетельству Ставского, он с честью выдержал свое первое боевое испытание.

Очередной номер газеты, помнится, был уже сверстан, но я снял с полосы какую-то заметку строк в шестьдесят и сказал Симонову:

— Надо писать стихи. В номер! Шестьдесят строк. Специально оставлено в полосе место...

Как признался потом Симонов, он был вторично огоршен. Первый раз — когда его, не дав оглянуться после дальнего пути, отправили из редакции на передовую. И второй — сейчас, когда от него сразу же по возвращении с передовой потребовали стихи в номер. Никогда прежде ему не приходилось писать стихи вот так, с ходу. И все же он это сделал. На следующий день весь наш фронт уже знал, что в редакции «Героической красноармейской» появился свой собственный поэт — Константин Симонов.

Кирилл ЛАВРОВ

ПЕРВАЯ встреча произошла в Ленинграде, в полумраке зала Большого драматического театра имени Горького. Шли последние репетиции новой пьесы Симонова «Четвертый». Я играл в ней небольшой острохарактерный эпизод — Чарльза Говарда. Участники спектакля сидели кучкой в пустом зрительном зале, слушая после очередной репетиции замечания постановщика спектакля Георгия Александровича Товстоногова. И в это время появился Константин Михайлович. Пройдя по проходу между рядами кресел, сухощавый, подтянутый, спортивного сложения, с коротко стриженными серебряными волосами, в сером твидовом пиджаке, темных шерстяных брюках, черной рубашке и вязаном галстуке, он дружески поздоровался с Товстоноговым, с актерами и попросил разрешения присутствовать на репетиции. Я исподволь наблюдал за ним... Смуглое лицо, чуть прищуренные улыбающиеся глаза, неожиданно скорбный рот с опущенными вниз уголками, с крепко зажатой в зубах трубкой. Особенно мне понравились его руки — не слишком крупные, смуглые, сильные и энергичные, вымазанные пеплом, потому что он то и дело большим пальцем утрамбовывал тлеющий в трубке табак. Весь облик его отличался простотой,

свободой и какой-то особой мужественной элегантностью.

Он пробыл у нас несколько дней. Шли генеральные репетиции, он давал много советов, очень тактично, ненавязчиво. Потом состоялась премьера, после которой в тот же вечер он уезжал в Москву. Когда пришла пора расставаться, он вдруг подошел ко мне, взял за локоть, отвел в сторону и сказал, что на «Мосфильме» режиссер Столпер собирается экранизировать его роман «Живые и мертвые» и ему кажется, что я смог бы сыграть Синцова... Это было для меня полной неожиданностью! Я, конечно, читал роман, мне очень нравился этот честный суровый рассказ о первых, самых страшных, днях войны, и я, молодой еще артист, был бы счастлив, если бы мне представилась возможность сыграть в этом фильме любую, самую маленькую и незначительную роль... А тут вдруг такое предложение! И от кого! Я стоял в совершенной растерянности... Симонов улыбнулся и сказал: — Я поговорю с Сашей Столпером, он вас вызовет. — Пожал мне руку и пошел...

— Константин Михайлович! — закричал я ему вслед. — Но вы же написали своего Ивана Синцова очень крупным, большого роста человеком...

Симонов обернулся, засмеялся:

— Ну, если это вас смущает, я в следующей книге напишу, что он был среднего роста... До встречи в Москве!

С Симоновым я встретился в один из первых дней

моего пребывания в Москве. Он сказал, что видел мою пробу, что в общем она его удовлетворяет, но вот за костюмом надо следить, а то во многих военных фильмах консультанты норовят одеть персонажей по всей уставной форме, в новенькое, «с иголочки», обмундирование... А такого ведь на войне не было... И если мы не сумеем, чтобы в нашем фильме все было правдиво с самого начала (а в неправде нас уличит каждый фронтовик, хотя бы неделю пробывший на фронте), мы сразу подорвем доверие ко всей нашей работе. И надо сказать, что внешняя, изобразительная сторона картины постоянно его волновала.

Как-то Константин Михайлович пригласил меня к себе домой, на улицу Черняховского.

Сняв с полки несколько толстых папок, он положил их передо мной:

— Сидите, читайте, здесь вы найдете все, из чего вышли «Живые и мертвые».

Несколько дней подряд ходил я в этот дом, хозяин занимался работой, а я читал его рукописи, на страницах которых просматривались черты Серпилина и Синцова, Малинина и Золотарева... А через несколько лет, прочитав «Записки Лопатина» и «Двадцать дней без войны», я понял, откуда вышли эти книги.

...Это были интереснейшие дни, в которых чтение перемежалось устными рассказами, разговорами о сегодняшних наших делах, планами на будущее...